

КОНЦЕПЦИЯ МЕНТАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РАЗНООБРАЗИЯ РОССИЙСКИХ ГАБИТУСОВ

Н.С.Розов

Проблема субъектности модернизации и задачи исследования

Все разговоры о необходимой модернизации, демократизации, национальных перспективах и стратегиях современной России, в конце концов, упираются в проблему субъектности: кто, собственно, все это будет делать, почему и зачем? Принципиальный ответ известен: некие новые *коалиции доброй воли, или «поколение модернизации»*, включающее тех, кто связывает свое достоинство и благосостояние с продвижением в направлении соответствующих перспектив.

В данном пункте явственным становится чудовищный разрыв между этими воображаемыми благонамеренными коалициями и действительным настроем, массовыми социальными и политическими установками российского населения — доминирующей политической культурой и менталитетом, известной социально-политической пассивностью¹.

Сходу отвергаем догму о вечности и незыблемости последних. При своей известной изрядной инерционности менталитет, народный характер, политическая культура меняются в истории, иногда быстрее, иногда медленнее, причем, в разных направлениях в зависимости от разных складывающихся обстоятельств (см.: [Дубовцев и Розов 2007; Лукин и Лукин 2009]).

Обращение к литературе о национальном менталитете, российском характере, политической культуре (в последние годы весьма объемной и разношерстной) дает крайне удручающее впечатление. Написано очень много, тексты преимущественно весьма идеологизированные, вплоть до кликушеских. С трудом обнаруживаемое из-под толстого слоя штампов (духовность-соборность-коллективизм-всечеловечность) концептуальное содержание почти целиком относится только к статике, практически нет работ об исторической динамике развития национальных менталитетов, тем более, о причинах,

¹ Согласно недавним опросам от 87 до 97% респондентов не участвуют *ни в каких* добровольных объединениях, профсоюзах, партиях и т.п., а активно участвуют в них от 1 до 4% [Рабочая группа Института социологии РАН 2008, №1, с.79].

условиях, механизмах и закономерностях требуемых изменений.² Ни в отечественной, ни в зарубежной литературе не удалось обнаружить готовых с использованием теорий ментальной динамики в соединении с анализом особенностей, изменчивости и разнообразия российского менталитета.

В связи с вышесказанным сформулируем основные задачи теоретического исследования:

1) разработать общую концепцию *динамики национального менталитета*, соединяющую микро-, мезо- и макро- уровни, объясняющую изменчивость и разнообразие основных его типов и свойств;

2) выявить с ее помощью и с учетом известных результатов социологических исследований разнообразие основных *габитусов* — типов сознания, личности, поведения, политической культуры в современной России, реконструировать *ментальные компоненты*, лежащие в их основе;

3) раскрыть *социальные механизмы формирования и поддержания* разнообразия российских габитусов.

Менталитет, национальный характер и ментальные компоненты

Менталитет — совокупность наиболее распространенных в диахронном (продолжающемся во многих поколениях) сообществе осознанных или неосознанных *фреймов* (познавательных схем), *символов* (святынь, идеалов, ценностей, принципов), а также объединяющих их *мировоззренческих установок*. Эти составляющие далее будем называть *ментальными компонентами*.

Национальный характер — совокупность внешних проявлений национального менталитета, наблюдаемых свойств представителей соответствующей общности, как правило, в сравнении и по контрасту с другими национальными общностями. Национальный характер относится к национальному менталитету примерно как фенотип к генотипу, как культурные артефакты — к ядерным культурным образцам (архетипам), как воспринимаемая непосредственно речь — к реконструируемым базовым структурам языка.

Габитусы (термин П.Бурдьё), характерные для разных индивидов, социальных групп и слоев, понимаются здесь как устойчивые комплексы *ментальных компонентов с идентичностями и поведенческими стереотипами*. Нас будут интересовать наиболее

² Среди немногих исключений см.: [Мостовая и Скорик 1995. Горшков и др.1996; Дилигенский 1998; Лапкин и Пантин 1999; Ментальность россиян 1999; Гудков 2004; Отцы и дети 2005; Левада 2006; Гудков и др. 2008].

типичные габитусы, значимые для социального и политического поведения. По разным критериям можно выделять инварианты — *аспектные габитусы*. В чем-то сходные и переходящие друг в друга габитусы объединяются в *гнезда*.

Фреймы — когнитивные структуры для схематизации опыта, для «определения ситуации» (Дж.Мид, Г.Блумер), т.е. для осмысления явлений социального окружения через подведение происходящего под знакомое и привычное; фреймы обычно не осознаются, а во внешних появлениях варьируют от произнесения общеизвестных максим и поговорок в качестве оснований отношения или действия до словесного истолкования своего или чужого положения и поведения в конкретном случае (М.Минский, Г.Бейтсон, И.Гофман).

Символы (ментальные) — принимаемые индивидом или группой религиозные, морально-политические и/или идеологические святыни, идеи, идеалы, принципы, ценности. Символы обычно так или иначе включены во фреймы (Э.Дюркгейм, М.Вебер, Т.Парсонс, Р.Коллинз).

Конкретные сочетания фреймов и символов (они же когнитивные установки, или установки сознания) включают важнейшие для нашей темы *мировоззренческие установки*, касающиеся отношений к окружающим людям, обществу, стране, государству, политике, жизни и т.д.

Идентичности — это представления человека, группы, сообщества о своем месте в социальном окружении, понятом через тот или иной комплекс *фреймов и установок*, это принимаемые *роли* в основных жизненных сферах, а также характер отнесения себя к принимаемым *символам* (Дж.Мид, Ч.Кули, Э.Эриксон, И.Гофман).

Поведенческие стереотипы — это управляющие психические структуры, тесно связанные с принятыми *ментальными компонентами и идентичностями*, программирующие социальное поведение актора — его повторяющиеся, рутинные *практики* и целенаправленные, поступательные *стратегии*, включающие разного рода деятельности (В.Томас, Ф.Знанецкий, Г.Олпорт, Дм.Узнадзе).

Интерактивные ритуалы

как механизм формирования и подкрепления габитусов

В многочисленных концепциях социализации и аккультурации есть непреложная общая истина. В психике человека интериоризуются образцы охватывающего сообщества, его кругов и элементов повседневной жизнедеятельности (семьи, школы, друзей, соседей, коллег, содержания прочитанных книг, просмотренных кинофильмов и т.д. А что же играет формообразующую роль? В этом пункте мы берем на вооружение

две, казалось бы, разномастные и несовместные концепции: теорию интерактивных ритуалов (традиция Э.Дюркгейма, И.Гофмана, В.Уарнера и Р.Коллинза) и теорию оперантного обусловливания (подкрепления) в классической версии Б.Ф.Скиннера.

Речь далее пойдет не о ритуалах, как пустых, формальных церемониях, в которых люди участвуют поневоле, и которые их никак эмоционально не затрагивают, разве что раздражают. Речь пойдет только об значимых для участников *интерактивных ритуалах* — всех эмоционально внушительных взаимодействиях между индивидами в ситуациях «здесь и сейчас», в результате которых как раз меняются или подкрепляются элементы габитусов участников — их установки сознания, идентичности и поведенческие стереотипы [Гофман 2004; Коллинз 2002, гл.1].

Семейный скандал и душевный разговор с матерью, живое обсуждение событий в кругу сверстников, западающие в душу речи учителей, проповедников, политиков, чтение книг и просмотр фильмов, производящих потрясающее впечатление, меняющих взгляд на мир и на самого себя, драматические столкновения на работе с начальством, коллегами, подчиненными, опыт столкновения с государственными структурами: чиновниками, милицией, судом — вот некоторые примеры ритуалов, в ходе которых формируются и трансформируются габитусы участников.

В каждый такой ритуал человек вступает с накопленным багажом ментальных компонентов: фреймов, символов и установок. Либо реально, либо в воображении он опробует себя, приняв ту или иную идентичность, реализовав ту или иную поведенческую модель. Кроме того, вступая в ситуацию ритуала, человек вовсе не обязательно сразу четко осмысляет ее, особенно в новых, непривычных ритуалах. Обычно у него есть наготове несколько латентных фреймов, ролей и способов поведения, так что их он тоже опробует.

Допустим, он «попал в точку», верно определил ситуацию, показал свою приверженность самым значимым для остальных участников символам, принял нужный образ-идентичность, взял верный тон речи, реализовал одобряемую окружением поведенческую стратегию. Тогда он попадает в центр внимания, его эмоциональная энергия, моральное чувство и самооценка резко повышается, он преисполняется гордости и энтузиазма. Смело можно утверждать, что все *положительно подкрепленные* таким образом и поведенческие стереотипы, и элементы менталитета утвердятся в его душе (психике, личности, кому как нравится) в качестве установок — основ формирующегося габитуса.

В обратном случае, когда человека игнорируют, высмеивают, либо даже изгоняют, ему обидно отказывают, что-то важное запрещают и т.д., происходит шок,

фрустрация и *отрицательное подкрепление*, особенно болезненное для его идентичности, для связи с данной социальной группой и ее символами. Либо он будет искать другие группы и другие ритуалы, либо существенно переменит свои установки и поведенческие стереотипы, чтобы взять реванш в той же группе. Повторяющееся отрицательное подкрепление того или иного ментального элемента во всех группах и ритуалах, скорее всего, подавит его, устранив из числа актуальных, или даже латентных установок.

Понятно, что основная масса ритуалов и их эффектов располагается между этими «идеальными» полюсами, но принципы подкрепления и формирования габитусов действуют примерно указанным выше образом.

Социальные институты и обеспечивающие сообщества

Обеспечивающее сообщество для индивида — та социальная группа, благодаря которой он обретает и сохраняет безопасность, социальное положение, эмоциональный комфорт и основной доход [ср.: Collins 1975, p.368-370].

Социальный институт — это регулирующий какую-либо из сторон человеческой жизнедеятельности устойчивый комплекс *позиций* (институциональных ролей в отношении к другим ролям), связанных с ними *статусов* в престиже, причастности к (институциональным) *символам* и доступе к *ресурсам* разного рода, а также предписывающих и ограничивающих *правил* поведения и взаимодействия между людьми, занимающими эти позиции.

По сути дела, институт — это ни что иное, как закрепление (формальное или неформальное) определенной *структуры позиций в ряде ритуалов на протяжении относительно долгого периода времени*. Стать мужем в институте брака, священником в институте церкви, руководителем отдела в институтах фирмы или государственного учреждения, начальником батальона в институте армии и т.д. — значит, *обусловить вполне определенные роли в длинных сериях последующих ритуальных действиях*, сопряженные с поведенческими стереотипами и подконтрольные ожиданиям окружающих, владеющих обычно тем же институциональным фреймом (схемой позиций, ожидаемого взаимодействия и т.д.).

Обеспечивающие сообщества обычно возникают в рамках тех или иных институтов (семья, дружба, соседство, работа, церковь). Некоторые сообщества с большими эмоционально-энергетическими, символическими и организационными ресурсами способны создавать новые неформальные и даже формальные институты (всевозможные добровольные ассоциации, общественные движения, политические партии, новые коммерческие фирмы, негосударственные организации и государственные

учреждения). При наличии ресурсной базы и налаженном механизме воспроизводства такой институт продолжается в поколениях и сам становится основой для обеспечивающих сообществ.

Социальная ниша — это совокупность однотипных позиций (ролей, мест) которые индивид занимает или может занять в социальном институте (*институциональная ниша*) или в обеспечивающем сообществе (*групповая ниша*). Вполне очевидно, что эмоциональный комфорт индивидов, общая устойчивость институтов и обеспечивающих сообществ связаны с тем, *насколько соответствуют друг другу или противоречат друг другу* занимаемые каждым индивидом институциональные и групповые ниши, соответствующий статус и его же идентичности, связанные с принимаемыми символами.

Здравый смысл, житейский опыт и марксистский бэкграунд уверенно говорят нам, что мотивацию, интересы, установки и саму личность человека во многом определяют воспитание и образование, классовая принадлежность (владение собственностью и способы получения дохода), семейное положение, место в разных иерархиях, перспективы и риски, связанные с престижем, служебной карьерой, и т.д. Как все это соотносится с институтами и ритуалами?

Несложно увидеть, что все вышесказанное относится к *занятию тех или иных институциональных ниш*. Но каждое занятие ниши — это не столько получение доступа к ресурсам, сколько *вхождение в определенные типы ритуалов в новой роли*, что, собственно и означает обретение соответствующего институционального статуса. Более того, сами ресурсы (деньги, материальные ценности, полномочия, знания и умения) нужны и применяются в дальнейшем не для чего-нибудь, а именно *для укрепления позиций в новых ритуалах и нишах*. Таким же образом, изгнание из сообщества, увольнение с работы, развод, потеря жилья, арест и тюремное заключение — это всегда уход из ранее занимаемой институциональной ниши, соответствующее *закрытие доступа к множеству ритуалов* (по крайней мере, в той же роли), а иногда и принуждение к новым ритуалам, причем в низкостатусной и страдательной позиции.

Концепция динамической взаимосвязи ментальной и институциональной динамики

Совместная динамика габитусов и национального менталитета. Очевидно, что фреймы, символы, установки, идентичности и поведенческие стереотипы как основные элементы каждого габитуса не с неба сваливаются, а формируются из наличных в данном диахронном обществе и культуре образцов — из ментальных компонентов. Поэтому из

анализа и обобщения структур габитусов мы можем реконструировать менталитет. Он предстает не как застывшая неизменная сущность, а постоянно (при росте новых поколений) рождающее лоно, причем, живое и изменяющееся. Эти изменения резонно осмыслять вновь через габитусы. В ходе макросоциальных и соответствующих институциональных изменений габитусы трансформируются, меняются их фреймы, символы, идентичности. Соответственно, меняется и менталитет, в дальнейшем порождающий уже новые наборы габитусов.

Расширение институтов, рост их ресурсной базы выражается в появлении новых и новых обеспечивающих сообществ и/или в росте «вакантных позиций» в них. При сжатии институтов, сокращении или утере ими ресурсной базы, напротив, обеспечивающие сообщества либо распадаются, либо изгоняют кого-то, сокращаются, повышают «ценз принятия», либо вовсе принимают новую институциональную форму.

На микроуровне это может выражаться, например, в том, что в прежней сфере занятости, прежней организации человека оказывается лишенным перспектив продвижения, либо вовсе теряет работу, зато в других сферах может оказаться востребованным.

Психогенетические принципы

Принцип зависимости габитуса от ритуальной и институциональной позиции. Чем объясняется существенное разнообразие габитусов, формирующихся в одном и том же обеспечивающем сообществе, в одних и тех же интерактивных ритуалах?

Иногда бывает достаточно объяснения в различии институциональных позиций, которые занимают в ритуалах их участники: одни всегда в центре внимания, другие рядом с ними, третьи составляют более или менее пассивное большинство, четвертые отвержены, подвергаются критике или осмеянию.

Кроме этой простейшей структуры есть огромное разнообразие институционализированных позиционных структур в разных ритуалах: докладчик, оппонент и публика, истец, ответчик, адвокат, прокурор и судья, заказчик и подрядчик, кредитор и просящий кредита, даритель и одариваемый, начальник, тот, кто отчитывается по работе, и остальные подчиненные, мужчина, ухаживающий за женщиной, отец, отчитывающий за проступок сына, и т.д. и т.п.

Очевидно, что каждому такому типу ритуалов соответствует некий фрейм, он единый среди участников, если они одинаково осмысляют ситуацию. Зато *идентичности* (субъективно занимаемые позиции в данном фрейме) существенно различаются. Соответственно, подкрепляются и формируются в этих ритуалах разные отношения к символам и разные поведенческие стереотипы.

Участник ритуала, скорее, будет привержен тем символам и тем поведенческим стереотипам (стратегиям и практикам), которые обеспечат ему большее признание, более высокое групповое членство, а также обещают продвижение к более высокой институциональной позиции в обеспечивающем сообществе именно в той ритуальной роли, которую он играет.

Принцип институционального вытеснения. Главной причиной рефрейминга и смены габитуса у актора является сужение и снижение привлекательности его прежней социальной ниши в сочетании с появлением, расширением и ростом привлекательности новой ниши, требующей нового габитуса (нового фрейма, новой идентичности, новых стратегий и практик). При вытеснении, чаще всего актуальный габитус сменяется латентным внутри того же менталитета.

Принцип ритуально-групповой основы для появления нового габитуса. При рефрейминге человек совершает переход не к латентному, а к новому для данного менталитета габитусу, только при наличии всех ниже перечисленных условий:

а) новые символы и фреймы уже присутствуют в дискурсе, циркулируют в общественном сознании (в публицистике, речах лидеров, бытовых обсуждениях);

б) появляются группы с регулярными ритуалами, актуализирующими данные фреймы и символы, предлагающие новые идентичности и поведенческие стереотипы, обещающие более привлекательные статус, гарантии безопасности и способы получения дохода,

в) человек получает членство в такой группе, получает надежные статус, безопасность и доход, регулярно и активно участвует в ритуалах.

На рис.1 представлена структурная схема концепции динамического взаимодействия менталитета, габитусов, сообществ, сетей и институтов через центральное звено — серии интерактивных ритуалов.

Рис. 1. Структурная схема общей концепции динамического взаимодействия ментальных и социальных компонентов. Заштрихованные стрелки — воздействия, представляющие наибольший интерес с точки зрения трансформации менталитета.

Инварианты российского менталитета как основа национального характера

Обобщим и представим многократно описанные свойства российского национального характера [Степун 1928; Бердяев 1990, Лихачев 1990: Вышеславцев 1995, Пибоди и др. 1993; Мостовая и Скорик 1995; Кессиди 2000; Касьянова 2003; Кукоба 2004; Гудков 2004; Левада 2006]. Обычно в качестве *общих недостатков, слабых черт* указываются разобщенность, низкая самодисциплина и неспособность к самоорганизации без подчинения и принуждения, правовой нигилизм, патернализм и подданническая

культура, максимализм и метания от крайности к крайности. Некоторые группы обвиняются также в склонности к раболепию и холуйству и/или принуждению и насилию, а также к лицемерию, цинизму, низкопоклонству перед чужими образцами, нетерпимости и шовинизму.

Общими достоинствами российского характера, как правило, считают адаптивность и самостоятельность, изобретательность и восприимчивость к новому, стойкость к лишениям и терпение, душевную теплоту, заботу о близких. Для некоторых групп отмечается наличие сильной тяги к справедливости, праведной осмысленной жизни, служению высоким идеалам, Родине, чувство долга, бескорыстное подвижничество, способность к самоотречению.

Российские габитусы

Вначале выделим несколько сфер (аспектов) и в каждой из них ряд *аспектных габитусов*. Затем покажем, как аспектные габитусы объединяются в *типичные российские габитусы* и *гнезда габитусов* с внутренними переходами.

Первой сферой различия является отношение к государству, государственным интересам, деятельности на благо государства. Здесь набор аспектных габитусов хорошо известен:

Инсайдер-пользователь занимает выгодную позицию в государственном учреждении либо в привластных коммерческих структурах которую использует, главным образом, для своей выгоды, для укрепления своего положения в сообществе таких же инсайдеров.

Службист обычно включен в государственные структуры (является инсайдером), честно выполняет долг, обязанности, приказы, предан власти и режиму, какими бы они ни были.

Подданный — обычно аутсайдер, не занимает значимых государственных должностей, но гордится величием и победами державы, в той или иной мере готов терпеть лишения, напряженно трудиться во благо государства.

Внутренний эмигрант также обычно аутсайдер в отношении к государству, преисполнен отчуждения к нему и всему, что с ним связано, находит нишу с минимальными контактами с государством.

Следующая сфера разделения аспектных габитусов — отношение к власти, режиму, их смене и изменениям.

Охранитель — обычно инсайдер, стоит на страже власти, режима, порядка, каковы бы они ни были. Активный патерналист — навязывает неразумному населению любовь и уважение к начальству и режиму.

Реформатор может находиться как внутри, так и вне государственных структур, надеется на мирное преобразование режима, на договоренности с правящей группой, на возможность ее убедить, на эффекты малых дел, на поддержку обществом благих начинаний.

Радикал — обычно аутсайдер (кроме периодов коренных изменений политического устройства), убежден, что необходимые изменения режима возможны только при смене власти, любые попытки общения и договоров с которой безнадежны. Бунтовщики, заговорщики, террористы, революционеры, диссиденты, несистемные оппозиционеры — вот основные исторические ипостаси радикалов.

Равнодушный — обычно аутсайдер, он отгородился от всего, что связано с властью и режимом, приспосабливается к тому что есть; этот габитус во многом совпадает с *внутренним эмигрантом*.

Следующая сфера разделения аспектных габитусов — отношение к разного рода ценностям, поляризованным между высшими духовными идеалами и приземленной выгодой, пользой.

Подвижник — тот, кто полностью посвящает свою жизнь служению высоким ценностям и идеалам. Подвижники есть среди журналистов, ученых, учителей, врачей, адвокатов, правозащитников, священников, литераторов, художников, музыкантов, деятелей театра и кинематографа, архитекторов, музейных хранителей и т.д.

Обыватель признает только пользу и выгоду, к высшим ценностям и идеалам относится подозрительно, разве что к жизни, здоровью и благополучию — собственному, своей семье и близких может относиться как к предметам долга и служения.

Примиритель сочетает в разных пропорциях служение высшим ценностям, идеалам и достижение пользы для себя и семьи.

Наконец, постоянно значимым для социально-политического поведения и габитусов остается отношение к Западу в сравнении с Россией, ее историей, традициями, порядками и проч.

Самобытник (почвенник, державник, «патриот») — тот, кто в любых контекстах превозносит отечественное и порицает иноземное (в подавляющем большинстве случаев — западное: европейское и американское).

Западник — тот, кто в любых контекстах порицает отечественное и превозносит иноземное, преимущественно европейское и американское).

Центристы совмещает самобытные и западнические предпочтения, опять же в разных пропорциях. Подобно примирителям между полюсами подвижничества и обывательства, центристы также заполняют самую обширную «серую зону» между полюсом самобытности и полюсом западничества, временами и в разных контекстах склоняясь в ту или иную сторону.

Далеко не все комбинаторно возможные варианты сочетаний аспектных габитусов реализуются, по крайней мере, в значимых для социально-политических процессов объемах. Кроме того, некоторые сочетания весьма близки друг к другу, внутри них бывают взаимопереходы, такие группы габитусов назовем *гнездами*. Предполагается, что переходы между габитусами из разных гнезд редки и трудны. Выделим следующие пять габитусных гнезд как предметы для последующего объяснения:

- 1) *Гнездо отстраненных аутсайдеров*: подданный, обыватель, внутренний эмигрант, равнодушный;
- 2) *Гнездо ловких инсайдеров*: пользователь, пользователь-охранитель и пользователь-реформатор;
- 3) *Гнездо честных государственников*: службист, службист-реформатор и службист-охранитель;
- 4) *Гнездо недовольных*: реформатор-западник, радикал-западник и радикал-самобытник;
- 5) *Гнездо подвижников*: подвижник, подвижник-западник и подвижник-самобытник.

Сопоставление с типичными разбросами ответов в социологических опросах относительно ценностей, отношения к государству и власти, к России и западным странам, к реформам и т.д. [Российский менталитет 1997; Дилигенский 1998; Гудков и др., 2008; Рабочая группа Института социологии РАН 2008] показывает, как минимум, представительность данной типологии габитусов.

Ментальная основа национального характера и габитусов

В качестве главных элементов объяснения возьмем четыре базовых фрейма в минималистской форме бинарной оппозиции и постулируем их инвариантные характеристики:

- 1) *свое и чужое*; этот фрейм универсален для всех этносов и наций, культур и цивилизаций; российская специфика, состоит, во-первых, в высоком уровне отвержения, непризнания чужого, в отказе за чужим в праве на достоинство или даже на существование, либо в полном игнорировании и пренебрежении

чужим; во-вторых, в особой легкости признания чужого своим и отказа от бывшего своего в пользу нового своего (бывшего чужого);

- 2) *высшие идеалы и польза (выгода)*; данный фрейм также универсален; для россиян характерны жесткое разделение и противопоставление «высоких», «духовных» идеалов (святынь, ценностей) и «низкой», «шкурной» пользы, слабая способность к их органичному и устойчивому объединению, склонность к полному принятию того или иного полюса и последующим радикальным разочарованиям;
- 3) *ближний круг и государство*; в России первый полюс жестко ассоциирован с теплой, неформальной, демонстративно бескорыстной взаимоподдержкой, тогда как государство, напротив, — с формальным принуждением и всяческими ухищрениями от этого принуждения.
- 4) *Россия и Запад*; в российском менталитете для статуса своей страны характерна неустойчивость, высокая неудовлетворенность, что может выражаться как в полном отрицании национальных достоинств, так и в навязчивом их превознесении; отношение к Западу при этом, несмотря на известные крайности и маятниковые колебания, неизменно остается главным пунктом референции, именно с западными странами обычно ведутся сравнения, именно западные оценки остаются наиболее значимыми, вне зависимости от того, соглашаются с ними или яростно их отвергают.

Несложно показать, как специфика этих фреймов порождает как слабые, так и сильные инвариантные черты российского национального характера, особенно, с учетом разного комплексирования четырех фреймов и их восьми полюсов между собой.

Разобщенность, низкая самодисциплина и неспособность к самоорганизации — прямые следствия отвержения всего *чужого*, а также жесткая привязанность трудов и усилий либо к *ближнему кругу*, либо к вынужденному подчинению институтам власти (обычно *государственным*). Для широких горизонтальных контактов и создания структур доверия места не остается.

Правовой нигилизм порождается отождествлением законов и судов с *чужим* (или *своим* для инсайдеров) принудительным *государством*.

Максимализм и метания от крайности к крайности — это обобщения принятия одного полюса как *своего*, которому посвящаются все силы и отвержения другого полюса как *чужого*, страстно отвергаемого или презираемого

Адаптивность и самостоятельность, изобретательность и восприимчивость к новому являются проявлением легкого превращения *чужих* способов выживания, достижения пользы в *свои*.

Стойкость к лишениям и терпение, душевная теплота, забота о близких — прямое следствие многопоколенного опыта выживания благодаря взаимоподдержке в *своем* — ближнем кругу и в противостоянии давлению *чужого* принудительного *государства*.

Высокая референтность Запада и глубинная неуверенность в достоинстве национальных основ рождают маятниковые колебания: от низкопоклонства перед всем чужеземным и отрицания всего отечественного, до ксенофобии, шовинизма, ревности и ненависти ко всему нерусскому, до бахвальства и «квасного патриотизма».

Базовые фреймы, мировоззренческие установки и разнообразие российских габитусов

Рассмотрим, какие мировоззренческие установки — устойчивые связки между полюсами базовых фреймов — характерны для выделенных выше габитусов, объединенных в пять основных гнезд.

Гнездо отстраненных аутсайдеров. Здесь *свое* — это *ближний круг*, а *чужое* — *государство*. *Польза* для себя и ближнего круга — это и есть *высшая ценность и долг*. Обыватель в той мере, в которой его статус и рента зависят от *государства*, представляет себе и другим эту *пользу для себя* как преданность *высшим ценностям* — государству и власти. Отмечаемые в российском характере склонности к раболепию и холуйству, лицемерию («лукавый раб» по И.Леваде) характерны для людей из этого гнезда с габитусами подданных и обывателей.

Гнездо ловких инсайдеров. *Государство* стало *своим* как источник *пользы* для себя и *ближнего круга* (члены которого обычно также занимают нужные должности). «Все разговоры о высших ценностях и идеалах — болтовня для бедных». Соответственно, процветают цинизм и лицемерие. Также развита склонность к принуждению и насилию с помощью государственного аппарата, особенно когда появляются угрозы благополучию — личному и своего круга.

Гнездо честных государственников. *Государство* — *свое*, но уже не как источник *выгоды*, а как *высший идеал*. Долг, честь, служение Родине, трудолюбие — все эти достоинства российского характера имеют люди с такими габитусами.

Гнездо недовольных. Нынешнее *государство*, *власть*, *режим* — *чужие*, вредоносные, препятствуют получению *пользы* и противоречат *высшим идеалам*. Обостренное чувство справедливости, гнев относительно несправедливости могут быть

как искренними, так и выражением стремления самому получить власть, занять выгодную должность.

Гнездо подвижников. Свое — это те или иные *высшие идеалы* — святыни и ценности. *Ближний круг* — те, кто это понимает. *Государство* обычно — *чужое*, оно не поддерживает осуществление этих ценностей, либо даже препятствует этому. Выделяемые в российском характере бескорыстие, самоотречение, стойкость свойственны людям с такими габитусами.

Социальные основы разнообразия российских габитусов

Можно и нужно провести специальные эмпирические исследования того, какие институты, обеспечивающие сообщества и серии типовых ритуалов формируют габитусы каждого гнезда, при каких структурных изменениях этих социальных форм происходят переходы от габитуса к габитусу внутри гнезда (а в редких случаях и между гнездами). Пока зафиксируем основные очевидные соответствия.

В гнезде *отстраненных аутсайдеров* (вероятно, это подавляющее большинство населения современной России) главными обеспечивающими сообществами являются семья и близкий круг друзей, иногда сослуживцы. Для подданных и обывателей-охранителей характерны особое статусное положение, связанное с рентой (пенсионеры, всевозможные льготники, отставные военные, научные работники, врачи, учителя, шахтеры, полярники и т.д.)³. Символом дарителя, источника статуса и ренты является «Государство», что обуславливает лояльность такой власти и такому режиму, при которых не ущемляются, а подкрепляются соответствующие идентичности. В центр внимания основных ритуалов (совместных застолий, семейных праздников, повседневных обсуждений) обычно попадают такие темы и символы как здоровье и благополучие участников, материальные приобретения, события в семьях, столкновения с внешним миром, особенно, с государственными службами, с властями с точки зрения продвижения или ущемления частных интересов самих же участников таких ритуалов.

В гнезде *ловких инсайдеров* основными обеспечивающими сообществами являются группы и сети таких же инсайдеров, либо прямо входящих в государственные структуры, либо в аффилированные компании. Семья и близкие друзья также важны, но обычно они обретаются в тех же сетях, либо вовлекаются в них. Основные ритуалы — это «решение вопросов» относительно ресурсов, должностей, всевозможных услуг, обменов, распределения и проч. Позиции в этих ритуалах могут быть горизонтальными,

³ Анализ этих статусных групп рентополучателей как современных сословий сделан С.Кордонским [Кордонский 2008].

симметричными («ты — мне, я — тебе») или иметь форму клиент-патрон. Известные коррупционные сообщества и сети [Римский 2004] реализуются именно в таких действиях. «Решение вопросов» может проходить и в тиши кабинетов, и в саунах, и в загородных «охотничьих домиках» и т.п. Хорошо известно, что в этой среде сдвиги от реформаторства к охранительству и обратно определяются, во-первых, возрастом и удовлетворенностью собственной позицией, во-вторых, связью перспектив личного благополучия и продвижения с реформами или отвержением реформ.

В гнезде *честных государственников* обеспечивающее сообщество обычно составляет начальство и коллеги по работе, способные оценить упорный труд службиста. Главные ритуалы — это сама работа с документами и людьми, а также церемонии принятия работы, отчетов с соответствующими поощрениями, подкрепляющими честную службу. Службисты становятся реформаторами или охранителями не только и не столько из соображений личной карьеры. Как правило, службисты-охранители — это люди старшего возраста, участвовавшие в создании, поддержании существующего институционального порядка, отождествляющие себя с ним. Службисты-реформаторы обычно моложе, часто они являются выходцами из другой сферы и имеют такие твердые образцы «правильного порядка», которые несовместимы с наличным устройством.

Гнездо недовольных весьма разношерстно. Недовольные западники, как правило, распространены в столичных и крупных городах, в космополитических сообществах науки, высшего образования, культуры, ориентированного на внешние связи бизнеса. Обычно они лучше знают иностранные языки, больше ездят за границу. Для многих в профессиональное обеспечивающее сообщество входят иностранные коллеги. Основные ритуалы в этой среде — это бесконечные интеллигентские разговоры, шутки, анекдоты на тему «как здорово у них и как плохо у нас». Самобытники в своей массе либо хуже образованы, либо их специализация имеет сугубо национальный характер с минимумом космополитических контактов и связей. Редкие случаи высокоинтеллектуальных и широко мыслящих самобытников — почти всегда бывшие западники. Переход, как правило, связан с фрустрацией — потрясением от того, что отвергли (не признали по достоинству заслуги и статус) либо на Западе, либо в сообществах западников. Радикализация недовольных, как западников, так и самобытников, — прямая функция от отвержения (недопущения к службе, принятию решений, реформам) и репрессий со стороны власти и режима.

Гнездо подвижников является довольно условным, поскольку объединяет преимущественно изолированных друг от друга одиночек. В роли обеспечивающего здесь может выступать воображаемое сообщество «истинных ценителей» (нередко относимое в

далекое будущее). Главным ритуалом является сам ежедневный «подвиг» — напряженный труд над книгой, картиной, симфонией, реставрацией памятника, либо бескорыстная помощь больным, бездомным, обиженным властью и т.п., а также редкие церемонии общественной оценки плодов подвижничества и признания.

* * *

Итак, российский менталитет предстает, с одной стороны, весьма разнообразно выраженным в нескольких группах габитусов, с другой стороны, имеющим единую глубинную основу — специфические базовые фреймы и накатанные пути складывания из них мировоззренческих установок, что выражается в известных чертах российского национального характера.

Концепция получилась внутренне непротиворечивой, когерентной, вполне согласующейся с типовыми разбросами в опросах общественного мнения, но, разумеется, нуждающейся в эмпирическом подкреплении. Для этого направления исследований нужны особые организационные и кадровые ресурсы, которым автор, будучи индивидуальным исследователем — философом, не обладает. Утешает только то, что любой квалифицированный социолог на основе представленного материала может без особого труда составить адекватный инструментарий (анкеты, схемы углубленных интервью, формы протоколов для наблюдения и проч.).

Нас же интересует другое направление — теоретическое и конструктивное: сопоставить полученные результаты с условиями демократизации современной российской политики и модернизации социальных, экономических институтов, выявить *требуемые с этой точки зрения изменения в ментальных компонентах и габитусах*; наметить основные направления активности *социально-политической (само)реабилитации* — восстановления и развития способностей социальных групп к самоорганизации, мирному и цивилизованному отстаиванию своих прав и интересов, то есть восстановлению субъектности для демократизации и модернизации России. Но это уже задачи отдельного исследования.

Литература

- Бердяев Н. А. 1990: Русская идея // *Вопросы философии*. № 1. С. 78, 80.
- Вышеславцев Б. П. 1995: Русский национальный характер // *Вопросы философии*, № 6. С.116-117.
- Горшков М. и др. 1996: Массовое сознание россиян в период осуществления трансформации: реальность против мифов // *Мир России*, № 2.
- Гофман И. 2004: Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт Фонда «Общественное мнение».

- Гудков Л. Д. 2004: *Негативная идентичность. Статьи 1997-2002*. М.
- Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Зоркая Н. А. 2008: *Постсоветский человек и гражданское общество*. М.: Московская школа политических исследований.
- Дилигенский Г. Г. 1998: *Российский горожанин конца девяностых: генезис постсоветского сознания (социально-психологическое исследование)*. М.: ИМЭМО.
- Дубовцев В. А., Розов Н. С. 2007. Природа «русской власти»: от метафор — к концепции - *Полис*, №3. С.8-23.
- Касьянова К. 2003: *О русском национальном характере*. — М., Екатеринбург.
- Кессиди Ф.Х. 2000: О парадоксе России // *Вопросы философии*, № 6.
- Коллинз Р. 2002: *Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения*. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Кордонский С. Г. 2008: *Сословная структура постсоветской России*. М: Институт Фонда «Общественное мнение».
- Кукоба О. А. 2004: Доминанты российского национального менталитета // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. №2.
- Лапкин В. В., Пантин В. И. 1999: Политические ориентации и политические институты в современной России: проблемы коэволюции. // *Полис*, №6. С. 70-80.
- Левада Ю. 2006: *Ищем человека: Социологические очерки. 2000-2005*. М.: Новое издательство.
- Лихачёв Д. С.1990: О национальном характере русских // *Вопросы философии*. № 4. С. 3-5.
- Лосский Н. О. 1957: *Характер русского народа*. Посев. Кн. 1.
- Лукин А.В., Лукин П.В. 2009: Мифы о российской политической культуре и российская история // *Полис*. № 1-2.
- Ментальность россиян: (Специфика сознания больших групп населения)*. 1997. М.
- Мостовая И. В., Скорик А. П. 1995: Архетипы и ориентиры российской ментальности // *Полис*. №4. С. 69-76.
- Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России*. 2005: Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение,.
- Пибоди Д., Шмелёв А. Г., Андреева М. К., Граменицкий А. Е. 1993: Психосемантический анализ стереотипов русского характера: кросс-культурный аспект // *Вопросы психологии*, № 3.
- Рабочая группа ИС РАН. 2008: Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. // *Полис*, №1-3.
- Римский В. Л. 2004: Бюрократия, клиентелизм и коррупция в России // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 68-79.

Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. 1997: Под ред. К.А. Абульхановой, А. В. Брушлинского, М. И. Володиковой. М. Степун Ф. А. 1928: Мысли о России // *Современные записки.* № 28. Париж. Collins, R. 1975: *Conflict Sociology.* N.-Y., Academic Press.

Розов Н.С. Концепция ментальной динамики и социальные основы разнообразия российских габитусов. Разработана общая концепция динамики национального менталитета, соединяющая микро-, мезо- и макро- уровни. Изменчивость и разнообразие ментальных компонентов и габитусов (П.Бурдьё) объясняются через участие индивидов в интерактивных ритуалах (И.Гофман и Р.Коллинз) как базовом способе существования обеспечивающих сообществ и социальных институтов. Представлена типология российских габитусов, объединенных в пять гнезд: аутсайдеры, ловкие инсайдеры, честные государственники, недовольные и подвижники. Реконструированы базовые фреймы и их связи — мировоззренческие установки как основа этих габитусов. Показано, что габитусы каждого гнезда характеризуются своими типовыми ритуалами, обеспечивающими сообществами и институтами. Поставлены задачи использования этой концепции для социально-политической реабилитации российского населения — обретения способности к самоорганизации, мирному отстаиванию своих прав, свобод и интересов.

Rozov, Nikolai S. The Conception of Mental Dynamics and the Social Basis of Diversity of Russian Habitus. The general conception of national mentality dynamics includes micro-, meso-, and macro- levels. Variability and diversity of mental components and habituses (P.Bourdieu) are explained by participation of individuals in interactive rituals (E. Goffman and R.Collins) as a basic existence mode of providing communities and social institutions. The typology of Russian habituses is presented. They are divided among five nests: outsiders, smart insiders, honest statesmen, dissatisfied, and ascetics. The deep-lying frames and their clusters, i.e. worldview attitudes are reconstructed as the basis of these habituses. Each of the last is corresponding with specific rituals, providing communities, and institutions. The research tasks are posed. How to use this conception for the social and political rehabilitation of Russia's population - gaining the ability to self-organization, peaceful defend of their rights, freedoms and interests.

Менталитет, национальный характер, политическая культура, габитусы, фреймы, символы, мировоззренческие установки, интерактивные ритуалы, социальные группы, социальные институты

Справка об авторе

Розов Николай Сергеевич, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, профессор философского факультета НГУ

Тел.: . 8 (383) 244-13-60

Адрес: 630090, Новосибирск, ул.Пирогова 2, НГУ, Философский факультет

E:mail:, nrozov@inbox.ru, rozov@nsu.ru

<http://www.nsu.ru/filf/rozov/>